государю моему,
паче же и благоприятелю моему,
спастися
и радоватися.
Бьет челом сын твой богом даной,
а дурак давной.
Смилуйся, государь, для иконостасного
троического божества
и для Христова от девы рождества
и для своея праведныя души
глаголы моя внуши.
Где моя грубость,
покажи свою милость.
Пожалуй меня, беднаго
и от наготы гневнаго,
одень мою спинку,
вели дати свитку.
Воистинно, государь, хожу гол,
что бурой вол.
Свитченко у меня одно,
и то не бывало с плечь давно.
И я, государь, храню свой обет
и за то хощу быти одет.
Смилуйся, государь, прикажи въскоре
размыть мое горе
и угаси рыдание слезное,
да в царствии небесном обрящеши пристанище полезное.
Ведая бо, государь, толикую твою мощь,
надеюся не отъити от тобя тощь.
Здрав буди,
толко меня не забуди.

(ГПБ, Софийское собр., № 1546, л. 120 об.).

Послание заключенному «в тюрьму»

Господину онсице[1] челом бью.

Дивлюсь убо твоему многосудителному уму.

По нему же неславная и нелепослышная достойнодивоство учинил еси, его же несмыслении младенцы стыдятся действовати. И в чяс, в он же помыслил еси в путное шествие, и в то время приступила к тебе дурость

и ударила теби в бок, —
и то тебе вечной зарок.
И потом пришел к тебе бес,
и завел тебя в лес,
и там положил на тебя свою узду,
и въехал на тебе в тюрму.
Поистинне от неких некоя притча
реченна бысть:
не давай бешеному черньцу молока,
да не залетит за оболока.

---

[1] *Оньсица — «тот», «некто», «такой-то». См.: Срезневский, Материалы, т. 2, стлб. 675.*